

УДК 323+329

Григорий Юрьевич Канарш
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета
г. Москва GrigKanarsh@ya.ru

КОНЦЕПЦИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Статья обосновывает, что ценностное обсуждение проблем общественно-политического устройства характерно не только для Запада, но и для России. Автор проводит сравнительный анализ пяти социальных проектов для России: консервативного, этнократического, социал-демократического, левоцентристского, коммунитаристского и делает вывод о наибольшей убедительности академического левоцентристского проекта «хорошего общества».

Дискурсы справедливости, сравнительный анализ, модерн, политическая этика, коммунитаризм, элитизм, «хорошее общество», критическая функция.

Дискуссия о ценностях, среди которых ключевое место принадлежит *справедливости*, является важной составляющей общественных дискуссий в демократическом правовом государстве. Благодаря обсуждениям такого рода становится возможным создать условия для примирения интересов конфликтующих групп и добиться должного уравнивания конкурирующих притязаний. С другой стороны, подобная дискуссия может рассматриваться как самостоятельный *политико-культурный феномен*, чья ценность не исчерпывается его полезностью для решения практически-политических вопросов. И в том, и в другом смысле дебаты о справедливости в политике являются объектом внимательного изучения в политологии (политической философии) и смежных дисциплинах, прежде всего в социальной философии и этике [8; 17; 27].

* * *

Современная философская дискуссия о справедливости – результат развития западной мысли последней трети XX столетия. Поэтому не удивительно, что именно западные нормативные проекты [2; 6] чаще всего становятся объектом научных исследований. Однако ситуация, сложившаяся в отечественной науке, и обозначившиеся в ней приоритеты вызывают определенное несогласие, когда речь за-

ходит о России. Похоже, наши политологи обращаются к анализу российской ситуации в ее политико-идеологическом аспекте чаще для того, чтобы в очередной раз заявить об отсутствии *национального дискурса справедливости* в России и вновь напомнить о его необходимости. Особенности такого подхода демонстрируют работы Б.Н. Кашникова [7; 8, с. 231-256] и В.С. Мартынова [9].

С выводами указанных исследователей¹ можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, в России в силу ряда причин до сих пор не возникло полноценной дискуссии об основаниях общественного устройства. Но с другой стороны, становится очевидным, что обсуждение проблемы справедливости и у нас постепенно приобретает характер реального общественного процесса. В противоположность тезисам В.С. Мартынова, утверждающего, что в духовно-политической сфере будущее принадлежит не традиционным модернистским идеологиям, а проектам, исходящим из неких принципиально новых эτικο-политических оснований [9; 10], отметим, что данная дискуссия разворачивается (и, по-видимому, так будет происходить в обозримой перспективе) как раз в идеологических рамках *проекта модерна*, разделяясь на традиционные для него либеральный, консервативный, социалистический и националистический дискурсы в их разнообразных вариантах. Определенное исключение здесь составляет коммунитаристский проект.

Консервативный проект: Русская доктрина

Формирование правых идеологий (консерватизма и национализма) в России в их нынешних вариантах (подобно тому, как это нередко случалось в истории России) явилось политическим «ответом» на реформаторскую активность периода 1990-х гг. Этот период современной российской истории обстоятельно изучен в литературе, поэтому нет смысла подробно останавливаться на нем [14; 22]. Напомним лишь, что попытка использовать в качестве идеологического базиса проводимых реформ концепцию экономического либерализма, развиваемую на Западе в трудах М. Фридмана и Ф. Хайека, закончилась неудачей. Потребностью сформулировать адекватную стратегию политического развития в условиях общества, стоящего в буквальном смысле перед угрозой распада, и объясняется попытка реанимации *правой идеи*.

Среди целого ряда проектов, которые по ряду признаков можно отнести к *консервативным*, наибольший интерес, на наш взгляд, представляет проект под характерным названием «Русская доктрина», разработанный коллективом российских философов и экспер-

¹ «В России не существует ни подобного (западному. – Г.К.) дискурса, ни подобной теории. Отдельные работы, которые затрагивают тему политической справедливости в России, исходят из различных теоретических оснований и не создают поле дискуссии», – утверждает, к примеру, Б.Н. Кашников [7, с. 29].

тов¹. Его авторы, как следует из текста документа, поставили перед собой весьма амбициозную задачу: «констатировав нахождение России как общества и государства в глубочайшем кризисе, авторы в отличие от подавляющего большинства своих коллег простой констатацией не ограничились и попытались создать в более или менее цельном виде *проект возможного переустройства всех сфер жизни в России*» (курсив мой – Г.К.) [18].

Центральную идею «Русской доктрины» образует представление о так называемой «триаде государственного строительства», которая включает в себя три базовых элемента – демократию, автократию (монархию) и аристократию. Это не новая идея, она в достаточно развитом виде присутствует уже у античных авторов, в частности Аристотеля. Идея «смешанного» правления конкретизируется в трех основных принципах *политического устройства*: 1) демократии; 2) компетенции общественных групп; 3) монархическом принципе единоначалия. Авторы «Русской доктрины» уделяют особое внимание демократии как форме правления, выступая, впрочем, с резкой критикой того понимания демократии, которое сложилось на сегодняшний момент в российской политике. Не оспаривая необходимости демократии как элемента политической системы, идеологи проекта высказываются за сугубо прагматический подход к этому политическому институту, призывая к отказу от его абсолютизации. В проекте воспроизводятся и характерные для консервативной традиции симпатии к плебисцитарной (в противоположность представительной) форме демократического участия.

Принцип «компетентности общественных групп», в отличие от демократического принципа, обращенного непосредственно к «народной массе», оформляет аристократическое начало в государстве. Этот этаж государственного строительства, по замыслу авторов «Русской доктрины», должен выстраиваться «при помощи ряда неизбежных компетентных советов, охватывающих различные стороны национальной жизни» [18]. И, наконец, принцип автократии. По мнению идеологов проекта, глава государства (президент или монарх) должен обладать всей полнотой государственной власти, соединяя в своих руках три ее ветви – законодательную, исполнительную и судебную. Подобная сверхконцентрация отвечает, с одной стороны, положению главы государства как безусловного *национального лидера*, а с другой, многовековым традициям русской общественно-политической системы.

Каковы перспективы этого проекта? Представляется, что уровень политических амбиций авторов данного фундаментального труда

¹ «Русская доктрина» – труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма. Доктрина вышла под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова [17].

(напомним, что речь идет ни много ни мало о радикальном переустройстве всех сфер общественной жизни) не совпадает с *реальными возможностями осуществления любого коммунитаристского (не только консервативного) проекта в современной России*. Прежде всего потому, что Россия, по оценкам экспертов [3], представляет собой крайне индивидуализированное общество (даже по сравнению со странами Западной Европы), для которого характерно отсутствие общих ценностей и солидарности. Поэтому думается, что социальная онтология (а значит, вся базирующаяся на ней морально-политическая аксиоматика) консервативного проекта применительно к российской современности *страдает неадекватностью*. В согласии с русской консервативной традицией, авторы проекта обращаются к идее *этнополитического единства русского народа*. В современных условиях такая позиция – не более чем попытка создать еще один миф (наряду с либеральным мифом о всемогуществе рынка).

Этнократический проект: Русское национальное государство

Одним из наиболее серьезных факторов, влияющих на положение дел в российской политике, явилась значительная актуализация национального вопроса. Несмотря на то, что тема социально-экономического расслоения по-прежнему остается на первом плане, проблема межнациональных отношений все больше начинает занимать умы российских граждан. Заметим: актуализация проблемы межнациональных и межэтнических отношений характерна сейчас не только для России, – это *ключевой вопрос* современной политики. Но российская специфика проявляется в том, что в нашей стране, в отличие от других стран, где требования справедливости чаще всего звучат из уст меньшинств, речь идет о поиске справедливости в отношении *этнокультурного большинства* (русских). Именно на конец 1990 – начало 2000-х гг., по оценкам экспертов, приходится рост национального самосознания русских (которое до сих пор было выражено значительно слабее по сравнению с другими народами, населяющими Россию) [16, с. 14].

Это – одна из причин того, почему в последние годы в российской политике произошла активизация националистических (и ультранационалистических) сил. Более того, русский национализм, будучи на начальном этапе своего развития маргинальным явлением, сейчас начинает приобретать все большую респектабельность. Результаты этой эволюции можно показать на примере политической и интеллектуальной активности одного из лидеров российских правых – А.Н. Севастьянова.

В ряде своих статей и книг А.Н. Севастьянов изложил основы того, что он понимает под современным русским национализмом. В

статье «Национализм и этнополитика» указанный автор пишет: «Моя задача ... перевести национализм *с языка инстинкта на язык идей* (курсив мой – Г.К.), приблизить его таким образом к интеллигентной аудитории. ... Чтобы массами, уже подвластными инстинкту, овладела на сей раз идея. И чтобы эта идея – национализм – превратилась тем самым в материальную силу» [19].

Обращаясь к анализу внутривнутриполитической ситуации, А.Н. Севастьянов указывает, что проблемы, с которыми столкнулась современная Россия, можно подразделить на два типа: социально-экономические и этнополитические. Если проблемы первого типа являются предметом повышенного внимания и активно обсуждаются, то проблемы второго рода либо не принимаются во внимание, либо замалчиваются. К числу последних лидер Национально-Державной Партии России относит, в частности, проблему признания России как мононационального государства и русского народа как государствообразующего, признание прав русского народа на национально-пропорциональное представительство, его право на историческое воссоединение и ряд других. В конечном счете суть проблемы сводится ультраправыми к *чисто биологическому фактору*, такому как «преумножение нашего (то есть этнических русских – Г.К.) удельного веса в составе населения страны» и «сохранению высокой степени биологической однородности русской нации» [20].

Основываясь на подобном видении политической ситуации, формулируются принципы *национальной справедливости*. Первый (условно принцип комплиментарности) включает в себе требование *относиться к другим нациям (народностям) так как они сами относятся к русским*. При этом выделяются народы комплиментарные и некомплиментарные в зависимости от того, как исторически складывались их отношения с русским народом (так, чуваша относятся к комплиментарным, а чеченцы – к некомплиментарным). Исходя из этого базового разделения должна выстраиваться политика русской нации по отношению к «чужим». Второй принцип (условно принцип иерархичности) содержит утверждение о необходимости установления *определенной иерархии в межнациональных отношениях*. При этом выделяются три категории народов: 1) государствообразующий народ (русские); 2) коренные народы, у которых нет собственной государственности вне России (татары или мордва); 3) национальные меньшинства, которые обладают такой государственностью (армяне или грузины).

Подобная дифференциация диктует и неравнозначное отношение к представителям различных народов. «По-человечески понятно, – считает лидер НДПР, – что отношение к данным категориям не может и не должно быть равноценным» [20]. Всячески подчеркивая свою приверженность принципу уважения к представителям других коренных народов, А.Н. Севастьянов говорит о необходимости создания *привилегированных условий для русских* [21]. По его мнению, это от-

нюдь не противоречит интересам других этносов, населяющих Россию, поскольку благополучие «государствообразующего» народа автоматически должно привести к общему процветанию. Что касается имиджа этнократического государства на международной арене, то здесь лидер ультраправых ссылается на опыт других стран (как ближнего, так и дальнего зарубежья, например Израиля), которые, основывая свою политику на принципах этнократии, тем не менее выглядят вполне цивилизованными в глазах международного сообщества.

При том, что идеи ультраправых находят значительную поддержку в обществе, в том числе среди представителей интеллектуальной элиты, думаем все же, что этнократический проект не имеет серьезных шансов на реализацию. И главная причина тому, как ни парадоксально, – особенности национального характера самих русских. Являясь традиционно, в силу ряда исторических и географических причин, *имперской нацией*, русские выстраивали свои отношения с другими народами по принципу интеграции в единое имперское геополитическое пространство. *Не испытывая иллюзий в отношении нравственного состояния современного российского общества, полагаем, тем не менее, что определяющее место универсалистских идей в русской культуре сохраняет свое значение и для сегодняшних реалий, создавая мощную «генетическую» защиту против расизма и ксенофобии.*

И все же проект создания этнократии в России заслуживает самого серьезного к себе отношения. Прежде всего потому, что его появление в российской политике сигнализирует о нерешенности такой животрепещущей проблемы, как социальный и политический статус русских в России. Значение этого проекта и в том, что он *поднимает (как решает – это другой вопрос) темы первостепенной важности, которые по соображениям политкорректности обычно замалчиваются отечественным истеблишментом.*

Социал-демократический проект: культурологическая концепция социализма

Наряду с консерваторами и националистами в последнее время все более настойчиво заявляют о себе силы, называющие себя левыми и социал-демократическими. О политическом успехе левой идеи свидетельствует появление на российской политической сцене партии «Справедливая Россия», возглавляемой спикером верхней палаты российского парламента С.М. Мироновым. Однако, представляя собой попытку концептуализации социал-демократической идеи, взгляды, излагаемые лидером «Справедливой России» [13], пока не содержат развернутой позиции в отношении основ справедливого общества. Будучи сегодня востребованной на политическом уровне, такая концепция до сих пор разрабатывалась в сфере акаде-

мической науки, главным образом в работах известного российского философа культуры и политического философа В.М. Межуева.

Обращаясь к анализу левой идеи и ее перспектив, В.М. Межуев пытается показать, что главная задача европейской социал-демократии отнюдь не сводится к требованию реализации социально-экономических прав – эта задача видится российскому философу прежде всего в реализации права каждого *на культуру* [11]. Новизна подхода, предложенного В.М. Межуевым, заключается в том, что собственность и провозглашаемое социал-демократами равное право на нее, трактуются как целиком относящиеся *к сфере культуры, а не экономики*. «В широком смысле общественную собственность следует понимать как собственность на культуру в целом. Она включает в себя все, что служит условием производства нематериального богатства в его чисто вещной или денежной форме, а самого человека, как «основного капитала» [11, с. 109].

В перспективе культурологического социализма особую трактовку получает и другое ключевое понятие – индивидуальной свободы. Равное право на культурный капитал предполагает наличие другого важнейшего социального ресурса – свободного времени. «Это время, которое человек тратит на образование и самообразование, на получение новой информации, на развитие своих способностей, то есть на все то, что и конституирует собой производство человека не как физического, а как общественного существа» [11, с. 110-111]. При этом свободное время в культурологическом понимании отнюдь не сводится к праздному времяпрепровождению: «Общественная собственность есть, следовательно, условие человеческого существования не в «рабочее», а в «свободное время», которое неправильно сводить к времени только досуга и отдыха. Свободное время – это время «всеобщего труда»..., время жизни в культуре, точнее, по законам культуры» [11, с. 111].

В самом общем виде проект *социальной политики* российской социал-демократии сводится к следующим базовым положениям: а) защита природного и культурного достояния от экономической и рыночной экспансии; б) увеличение экономического благосостояния и защиту основных социальных прав, и в первую очередь права на образование; в) преимущественная защита интересов работников умственного труда как наиболее прогрессивной силы постиндустриального общества; г) особое внимание к публичной сфере общественной жизни, реализация идеи прямой (непосредственной) демократии в политике; д) приоритет культуры перед всеми остальными сферами общественно-политического бытия, усиление борьбы с культурной деградацией общества [12, с. 76-79]. В конечном счете, главной целью этой политики остается построение *бесклассового общества*, как общества не экономики, а культуры [12, с. 67].

Такая позиция не лишена элементов утопизма: призыв к построению бесклассового общества по ту сторону экономики в условиях глубокого социального расслоения и тотальной коммерциализации всех сторон общественной жизни звучит довольно неубедительно. Но, пожалуй, самое существенное возражение попыткам реализации социалистической модели может заключаться в том, что современная социал-демократия на Западе, пережив серьезный кризис своих ценностных оснований, стала гораздо ближе к либерализму, чем к классическому социализму [4; 15; 26]. Не учитывать ситуацию общего кризиса левой идеи и неопределенность ее перспектив в условиях глобализации практически невозможно. Думается, что сила социал-демократического проекта не в его практической программе, которая становится все более труднореализуемой, а в его *гуманистическом пафосе* и осуществляемой им *критической функции* по отношению к господствующему социально-экономическому укладу. В этом качестве *критической теории* социал-демократическая мысль, несомненно, будет оказывать серьезное влияние на положение дел в российской политике.

Левоцентристский проект: рациональный общественный договор и модель «хорошего общества»

Заметным явлением в социально-философской мысли России последних лет стала разработка концепции, получившей название «хорошее общество» [27]. Теоретическим источником представлений о «хорошем обществе», как указывает идейный вдохновитель проекта и его основной автор В.Г. Федотова, служат концепции, появившиеся на Западе в 1970-х гг. в качестве альтернативы одновременно и капитализму, и социализму. Будучи по своему первоначальному замыслу чисто эмпирическим, внеидеологическим проектом, цель которого – создать условия, при которых людям бы жилось хорошо, в работах российского философа данный проект нашел свою проработку в нормативном и теоретическом плане.

Применительно к российской специфике наибольший практический интерес представляет модель *рационального общественного договора*, разработанная ученым с опорой на концепцию «справедливости как честности» американского философа Д. Роулза.

Позаимствовав у гарвардского профессора центральную для его этической теории идею *взаимности* («в концепции справедливости как честности индивиды соглашаются на то, чтобы разделить судьбу друг друга» [29]), В.Г. Федотова пытается *творчески переосмыслить основы концепции «справедливости как честности» применительно к современным российским условиям*. «Никакой начальный социальный статус не гарантирует человека современно-го (западного) общества от риска снижения этого статуса, в том числе до самого низкого уровня из-за потери доходов, работы или

здоровья. Поэтому каждый человек может мысленно поставить себя в нижайшую социальную позицию. Исходя из этого, находясь в неведении относительно своего будущего, *каждый может быть согласен на то, чтобы сделать минимальный уровень жизни выше, максимизировать социальный и материальный минимум...*» (курсив мой – Г.К.). Кроме того, правовой характер государства должен дополняться *демократическими процедурами*, смысл которых в том, чтобы разумным образом ограничить всевластие власти [25, с. 171, 176]. Значит, «справедливость – это не требование равенства, а это требование, чтобы люди разделяли судьбу друг друга» [25, с. 171].

Отмечая, что данная модель требует определенных предпосылок для своей реализации, в том числе социально-антропологического характера, В.Г. Федотова пытается построить модель рационального общественного договора на основе *традиции*. Российская традиция несет в себе две базовые ценности – стремление к правде («чувство справедливости») и высокое доверие к государству («этатизм»). При соединении этих двух составляющих, когда государство при помощи закона будет реализовывать в обществе моральную идею, а общество на основе присущего ему «чувства справедливости» поддерживать государство, можно добиться необходимого консенсуса. Максимизация минимума может стать в России делом государства. Представление о собственном благе, не данное в опыте традиционного общества каждому индивиду или не совпадающее с представлением о благе людей современных обществ, может внедряться *не силой, а законом*.

В более поздних работах профессор В.Г. Федотова несколько скорректировала свою позицию. Во-первых, была изменена формулировка самого базового этического принципа: если до этого он имел выраженный социальный смысл (то есть предполагал определенное действие – максимизацию социального минимума), то в настоящее время данный принцип интерпретируется как *сугубо этический*, выражая лишь необходимость определенной *нравственной интенции*, но никак не действия [27, с. 468-469]. Во-вторых, В.Г. Федотова уже не обращается к идее этатизма, но активно исследует проблематику *социального государства*, определенно противопоставляя его идеологии «сильного государства». Последнее, по ее мнению, «скорее можно понять как государство, готовое к силовому варианту догоняющей модернизации и к проведению шоковой терапии» [14, с. 113]. В-третьих, на нынешнем этапе своего научного творчества В.Г. Федотова занимается в большей степени теоретическими разработками, чтобы дать обоснование проекту, направленному на *соединение свободы и блага, свободы и справедливости*.

Однако и здесь трудно удержаться от возражений. Главным образом они касаются попытки В.Г. Федотовой использовать концепцию Роулза «справедливости как честности» в качестве модели,

примирающей идеи вэлферизма и перфекционизма в политической теории. Вопреки этой точке зрения отметим, что Роулз – либерал, но из этого вряд ли следует, что он перфекционист, как пытается показать В.Г. Федотова [27, с. 470]. Напротив, у Роулза весьма сильна как раз утилитаристская составляющая, что позволяет некоторым исследователям рассматривать эту концепцию как вариант либерального утилитаризма [6]. Представляется, что в большей степени синтез идей благосостояния и индивидуального совершенствования возможен в *либеральном перфекционизме*, отраженном прежде всего в функционалистских теориях человеческого блага, близких к марксистской традиции. Мы имеем в виду известные на Западе концепции «функциональных возможностей человека» М. Нассбаум и А. Сена [5]. В значительной степени это признает и сама В.Г. Федотова, отмечая в своих работах, что «в либеральном проекте это примирение (вэлферизма и перфекционизма – Г.К.) может состояться в меньшей степени, чем в социал-демократическом» [27, с. 471].

Коммунитаристский проект: модель «подвижной» иерархии и идеал братства

Коммунитаристские концепции социальной жизни впервые появились и получили широкое распространение на Западе в 1980-е гг. Для России, из которой коммунитаристские идеалы и практики, казалось, окончательно ушли вместе с крушением советского проекта, возвращение коммунитаризма представляется по-своему уникальным явлением. В этом смысле проект, предложенный философом из Нижегородского университета А.Н. Фатенковым [23], на наш взгляд, не только восполняет существенный пробел в новейшей истории отечественной социально-философской мысли, но и в какой-то мере восстанавливает прерванную социальными потрясениями некогда мощную в России интеллектуальную традицию. Проект нижегородского философа можно назвать неославянофильским, поскольку его автор обращается к идейному наследию именно этого направления в русской мысли.

«Братская общность» – проект, основанный на сочетании двух аксиологических моментов: 1) справедливая («подвижная») общественная иерархия; 2) братская взаимопомощь в сообществе (солидарность). «Русский мир – пишет А.Н. Фатенков, – испокон веков позиционирует себя «по ту сторону правого и левого» и вдали от калькулируемых либеральных выгод. ... Проект справедливого устройства русского бытия, как представляется, тяготеет к *идее подвижной иерархии* (курсив А.Н. Фатенкова – Г.К.). По крайней мере, она ему не чужда, хотя зачастую покрыта плотной ретушью мифотворчества» [23, с. 27]. Принцип подвижной иерархии, таким образом, отражает идею *высокой социальной мобильности* в противоположность застывшей иерархии традиционных обществ. Это означает также необходимость отка-

заться от идеи тотального подчинения интересов индивида интересам сообщества, что было характерно для обществ традиционного типа [23, с. 21, 24].

Исходя из такого понимания основ общественного устройства в проекте формулируются принципы *социальной справедливости*: «Итак, справедливое общество на русский лад – это общество: 1) экономически равных людей, то есть равно вышедших из-под гнета труда как необходимости; 2) подвижно-иерархическое в областях собственно социальной, хозяйственной (отличающейся от экономической примерно так же, как культура отличается от цивилизации) и политической; 3) наконец, это общество совестливой иерархии в сфере собственно культурной (духовной)» [23, с. 28].

Первый принцип имеет отчетливо эгалитарный характер, являясь по сути заимствованием из марксистской традиции. Второй принцип оказывается близок протестантской этике с ее идеей трудовой аскезы: «Общество поступит справедливо, если, отказавшись от жесткого принуждения и неуклюжей опеки, трудолюбца будет ставить выше лентяя и того, кто работает «от звонка до звонка», ненавязчиво подталкивая последних к тому, чтобы проявить себя и повысить свой хозяйственный статус» [23, с. 28]. И, наконец, во втором и третьем принципах весьма сильны элементы элитизма – культурного и политического, традиционно отдающего приоритет в социальной жизни меньшинству перед большинством (массой). Эта линия аргументации, наиболее выразительно представленная в проекте «экзистенциальной автократии», со всей очевидностью восходит к Платону. А.Н. Фатенков разводит две базовые парадигмы в истории социальной мысли: персоналистскую, идущую от Платона, и институционалистскую, восходящую к Аристотелю. Сам автор присоединяется к персонализму, полагая, что «даже не питая особого оптимизма в отношении человеческих качеств, можно связать определенные надежды с *экзистенциальной автократией, означающей власть (немногих) личностей во благо (всех) личностей*» [24, с. 162]. Таким образом, уже в первом приближении становится ясным, что *предлагаемая концепция не выдерживает строгого соответствия утверждаемому принципу ранга и на деле сочетает в себе как элементы традиционной «иерархической» справедливости, так и справедливости «эгалитарной» (апеллируя при этом к разным интеллектуальным традициям)*. Причем, как ни парадоксально, этой последней в проекте придается основополагающее значение. «Первым пунктом устанавливается та оптимальная доля необходимого положительного равенства, без наличия которой говорить о справедливости действительно не приходится» [23, с. 28]. Безусловно, коммуитаристский проект обладает высокой нравственной ценностью и немалой эстетической привлекательностью. Нравственной – потому что несет в себе высокий гуманистический

смысл, помещая в центр социальной жизни интересы живой, конкретной личности, защищая ее особость и своеобразие перед лицом нивелирующего различия эгалитаризма. Эстетической – поскольку предлагает стройную, целостную, гармоничную модель человеческих взаимоотношений в сообществе. Еще одним несомненным преимуществом данного проекта является его *онтологическая укорененность*, обращенность к самым основам человеческого существования (экзистенции).

К сомнительным сторонам проекта можно отнести: во-первых, *эклeктичность* предлагаемой в его рамках концепции справедливости, присутствие в ней элементов различных, порой взаимоисключающих интеллектуальных традиций (в том числе сугубо модернистских, как, например, марксизм); во-вторых, *непоследовательность*, поскольку многоярусное здание подвижной иерархии утверждается на *эгалитарной* основе (принцип равной экономической свободы субъектов); в-третьих, очевидная *непрактичность*. Мы вынуждены еще раз повторить наш вывод, что *любой коммунистический проект применительно к сложившейся в России социальной реальности страдает неадекватностью*.

* * *

Таким образом, из пяти рассмотренных выше проектов (консервативного, этнократического, социал-демократического, левоцентристского, коммунистического) именно левоцентристский проект (хорошего общества), на наш взгляд, предлагает наиболее убедительную этико-политическую и социальную программу. Во всяком случае, *трудно отрицать тот факт, что капитализм в России давно стал реальностью, и наши возможности в плане решения этических проблем российского общества неизбежно ограничиваются условиями капиталистической действительности* [28]. Поэтому при возможных симпатиях к правым, левым или коммунистическим интерпретациям политической справедливости, они *вряд ли могут претендовать на роль системообразующих принципов новой России*. Нисколько не умаляя теоретической значимости данных проектов, полагаем, что их влияние на современную российскую политику будет ограничиваться в основном *критической функцией*, осуществляемой по отношению к сложившемуся социальному порядку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверьянов В.В., Анисимов А.Н., Бражников И.Л. и др. Русская доктрина (Сергиевский проект). Ч. III. Русское государство / Под ред. А.Б. Кобякова, В.В. Аверьянова. М., 2007. Изд-во Яуза-пресс ООО. 863 с.
2. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М.: МОНФ, 2001. 244 с.

3. *Бызов Л.* Русское самосознание и социальные трансформации // Политический класс, 2007. Январь. № 1(25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3685.html> (проверено 18.11.2008 г.).
4. Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса / Отв. ред. А.Г. Мысливченко. М.: ИФРАН, 1998. 164 с.
5. *Канарш Г.Ю.* Справедливость как развитие человеческих качеств // Человек, 2006. № 5. С. 5-17.
6. *Кашиников Б.Н.* Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Роулза // Общественные науки и современность, 2003. № 2. С. 84-95.
7. *Кашиников Б. Н.* Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии, 2004. № 2. С. 29-42.
8. *Кашиников Б.Н.* Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ-НовМИОН, 2004. 260 с.
9. *Мартьянов В. С.* Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Политические исследования, 2006. № 4. С. 61-73.
10. *Мартьянов В.С.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 344 с.
11. *Межуев В.М.* Социализм – пространство культуры // Исторические судьбы социализма / Отв. ред. Ю.К. Плетников. М., 2004. С. 95-121.
12. *Межуев В.М.* Социал-демократия как политика и идеология (российский вариант) // Духовное измерение современной политики / Отв. ред. В.Н. Шевченко М.: ИФРАН, 2003. С. 60-80.
13. *Миронов С.* Социальный идеал в современной политике // Политический класс, 2007. Январь. № 1(25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/press/section_326/1427.smx (проверено 18.11.2008 г.).
14. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2002. 208 с.
15. *Мысливченко А.Г.* Перспективы европейской модели социального государства // Вопросы философии, 2004. № 6. С. 3-12.
16. *Паин Э.А.* Вызовы времени и инерция традиций: сдвинется ли Россия с «особого пути»? // Независимая газета, 2008. 28 февр.
17. *Прокофьев А. В.* Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. М.: Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2006. 278 с.
18. Русская доктрина (фрагмент) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=336> / Полный текст размещен на сайте: <http://www.rusdoctrina.ru> (проверено 18.11.2008 г.).
19. *Севастьянов А.Н.* Национализм и этнополитика. Речь на презентации книги «Время быть русским!» в Союзе писателей России 22 декабря 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ndpr.ru/content/view/266/67/> (проверено 05.05.2008).
20. *Севастьянов А.* Национальная идея на современном этапе. Доклад на Конгрессе Национально-Державных сил России 22 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ndpr.ru/content/view/259/67/> (проверено 05.05.2008).
21. *Севастьянов А.* Проект Конституции Русского государства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ndpr.ru/content/view/296/67/> (проверено 05.05.2008).
22. Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2001. 284 с.
23. *Фатенков А. Н.* Идея подвижной иерархии // Человек, 2007. № 2. С. 18-30.
24. *Фатенков А.Н.* Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // Политические исследования, 2005. № 2. С. 158-171.

25. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. 255 с.
26. Федотова В. Г. Третий путь // Свободная мысль, 2002. № 2. С. 47-63.
27. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
28. Федотова В.Г. Этика и капитализм // Политический класс, 2007. Январь. № 1(25). С. 80-91.
29. Rawls John. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.; Oxford University Press, 1971. 560 p.

RESUME

Grigorii Yr'evich Kanarsh, Candidate of political science, senior researcher, Institute of Humanitarian Studies, Moscow Humanitarian University. Moscow, GrigKanarsh@ya.ru

Concepts of Justice in Russian Politics

The article proves that the valuative discussion about social-political model is possible not only in the West, but also in Russia. The author compares five social projects for Russia: conservative, ethno-cratic, social-democratic, left-central and communitarian, and comes to the conclusion that the left-central project of “good society” is the most compelling.

Justice discourse, comparative analysis, modernity, political ethics, communitarianism, elitism, “good society”, critical function.

Материал поступил в редколлегию 25.03.2008 г.